

Цзян Лу слышал подобные слова от разных людей бесчисленное количество раз.

Только тем утром Ван Янь из соседнего класса снова призналась ему в своих чувствах, сказав, что он ей все еще нравится, и спросив, готов ли он передумать.

А чувства Ли Тана к нему были уже разгаданной загадкой; теперь они просто облекались в слова, неспособные вызвать никакого удивления или перемены.

Цзян Лу насмешливо улыбнулся:

— Разве я когда-нибудь просил тебя любить меня?

Точно так же, как днем в павильоне, когда Ли Тан бесстрашно защитил его от обжигающе горячей воды: «Разве я когда-либо просил тебя защищать меня?»

Ли Тан не был глупцом; он понимал скрытый смысл этих слов, но продолжал спрашивать:

— Я спрашиваю, нравлюсь ли я тебе.

Ответ был либо «да», либо «нет», выбор между двумя вариантами, уклониться от ответа не было возможности.

Помолчав немного, Цзян Лу отвернулся.

— Нет.

— Посмотри на меня, — Ли Тан попытался повернуть плечи Цзян Лу. — Посмотри на меня, когда говоришь это; тогда я тебе поверю.

Цзян Лу впервые обнаружил эту упрямую сторону Ли Тана.

И все же он был таким глупым, ведь ему дали столько возможностей сбежать, а он все равно отказался. Расстаться здесь было бы лучше для всех.

— Ты мне не нравишься, — Цзян Лу слегка опустил взгляд, его губы механически двигались. — Если бы ты мне нравился, зачем бы мне расставаться с тобой?

«Я и так тебя достаточно ненавижу».

Словно на него обрушился огромный валун, разбив вдребезги прекрасную иллюзию,

существовавшую в сознании Ли Тана.

Его дыхание участилось, как будто только так он мог сдержать слезы, не желая показаться таким жалким.

Он не боялся боли, поднимая каждый упавший «осколок» с земли и пересказывая их бессердечному человеку перед собой:

— Ты сказал, что я тебе не нравлюсь, так зачем же ты купил мне лекарство?

Путешествие от вершины горы до середины пути вниз заняло более двух часов, при этом на улице лил дождь.

Цзян Лу несколько потерял терпение.

— Я же сказал, что не покупал.

— А конфеты, ты же покупал их мне? — Ли Тан достал из кармана последние конфеты, которые он так и не решился съесть. — Почему ты дал мне конфеты... Может, потому, что мне их не дали в автобусе, и ты боялся, что я расстроюсь?

Хотя это звучало как вопрос, он был декларативным: он был уверен в этом вопросе.

— Почему ты мне еду приносишь? Ты волнуешься, что я останусь голодным, если вернусь домой поздно?

— Почему ты помнишь, что я люблю розы, помнишь мои вкусы?

— Почему ты не можешь видеть меня раненым и лечишь мои раны?

— Почему ты мне лапшу приготовил, когда я в сотню лучших в классе не вошел?

— Почему ты всегда обнимаешь меня, целуешь, зная, что мне холодно, наполняешь мне грелки?

— Почему зонт наклоняется в мою сторону, когда идет дождь?

Ли Тан, начав говорить, уже не мог остановиться. Его слова лились потоком, словно шквал, одно за другим, и даже если речь была бессвязной, ему приходилось обращаться к Цзян Лу за разъяснениями.

В конце Ли Тан задал еще один вопрос.

— Почему ты настаиваешь, чтобы я смотрел только на тебя? Почему тебя так волнует, проявляют ли ко мне другие интерес?

Но Цзян Лу больше не мог слушать. Ему следовало сказать Ли Тану, что все это фальшь, просто притворство, что он исключительно хорош во лжи.

Однако каждое слово, произнесенное Ли Таном с такой убежденностью, разрушало маску, которую он считал нерушимой, пока не появились трещины, отслаивающиеся кусочек за кусочком, обнажая скрытую под ней правду.

Цзян Лу сглотнул и крикнул:

— Замолчи.

Затем он повернулся и пошел обратно в дом.

Прежде чем он успел сделать два шага, что-то сильно ударило в его спину, Ли Тан обхватил руками талию Цзян Лу, не давая ему уйти и заставляя взглянуть правде в глаза.

— Почему ты спас меня? — возвращаясь к началу их знакомства, Ли Тан спросил с покрасневшими глазами: — В то время ты мог просто стоять рядом, почему ты спас меня?

Он имел в виду вечер в начале учебного года, когда Ли Тана загнали в угол у школьных ворот бандиты, пытавшиеся его ограбить. Цзян Лу сначала планировал сделать вид, что ничего не заметил, но все равно вернулся, чтобы помочь.

Это состояние души все еще было свежо в его памяти — неприятное, неудовлетворенное, лишенное того удовольствия, которого можно было бы ожидать от мести.

Теперь, когда маска была разорвана, руки, обхватившие его талию, были так туги, что Цзян Лу чувствовал себя скованным, загнанным в угол и злым. Но также и согретым, потому что сквозь тонкую ткань тепло касалось его холодной кожи, словно он слышал звук заживающих старых ран.

Из всех «почему» он мог ответить, осмелился ответить только на этот вопрос.

Отвернувшись от Ли Тана, Цзян Лу прошептал, отражая в своих глазах тьму ночи:

— Я не хотел видеть, как другие издеваются над тобой.

Ли Тан слегка пошевелился.

— ...Другие?

Ему показалось, что Цзян Лу утвердительно хмыкнул, но он не был в этом уверен.

К тому времени, как он пришел в себя, Цзян Лу силой разжал его объятия, повернулся к нему, обхватил его лицо ладонями и поцеловал.

Это был поцелуй или укусы? Никто не знал, кто первый начал, зубы сталкивались друг с другом, царапая и кусая друг друга. Оба давали выход эмоциям, двигаясь вперед и назад, чем сильнее они запутывались и сопротивлялись, тем сильнее запутывались и неразрешенными оставались их обиды.

Пока у них не закончился кислород, и их дыхание не стало вызывать боль в сердце.

Когда они расстались, Ли Тан оперся на плечо Цзян Лу, тяжело дыша, и ему хотелось спросить его, как он смеет быть таким жестоким, ведь это не его бросили.

Но у него не хватило сил.

Он понял, что плакал, и слезы капали на плечо Цзян Лу. Он потянулся, чтобы вытереть их, но Цзян Лу схватил его за руку и оттолкнул на расстояние вытянутой руки.

Цзян Лу отпустил одну руку, прижав большой палец к дрожащим губам Ли Тана, сильно надавливая, яростно растирая, размазывая вытекающую кровь, размазывая ее по губам, щекам; багровый цвет и соленость смешивались, странным образом вызывая в памяти фразу «кровь гуще воды».

Да, кровь гуще воды.

Каждый из них нес в своем теле половину крови одного и того же человека.

Глаза Цзян Лу были окрашены в глубокий красный цвет, разлитый по глубине его черных глаз, излучая некую свирепость, сродни проявлению своей истинной формы.

Он наклонился, чтобы снова поцеловать Ли Тана, его язык ощутил вкус тепла и крови во рту.

Отчасти это было продиктовано жаждой мести. Он ненавидел, как Ли Тан постоянно его провоцировал, и ненавидел себя за свое бессилие и постоянные поражения.

Поэтому ему пришлось восстановить контроль и исправить положение.

Его губы коснулись мочки уха Ли Тана, слегка облизывая и посасывая ее, но при этом он произнес предупреждающие слова.

Цзян Лу сказал:

— Только я могу тебя запугивать.

«Я хочу, чтобы вся твоя боль исходила от меня».

Ли Тан действительно почувствовал боль, нахмурившись и задыхаясь от боли.

Тем не менее, он не отпускал Цзян Лу, настойчиво ища у него поддержки:

— Тогда мы не расстанемся, хорошо?

Цзян Лу наклонился вперед, уперев подбородок в напряженное плечо Ли Тана.

Он медленно закрыл глаза, это был компромисс, рожденный бессилием, но также и уступка, вызванная состраданием, не имея иного выбора, кроме как подчиниться судьбе.

В восемь часов вечера вода в чайнике закипела во второй раз. Ли Тан осторожно поднял чайник и долил воды в миску с лапшой быстрого приготовления.

Пока лапша варилась три минуты, Ли Тан, соблазнившись витавшим в воздухе ароматом, спросил Цзян Лу, нет ли у него еще лапши быстрого приготовления. Цзян Лу порылся в еде, оставленной Сунь Юйсяном на кровати, и нашел пакетик с хрустящей лапшой для Ли Тана.

Хоть лапша и была не такой ароматной, как готовая, она все же была закуской. Ли Тан разорвал ее и с хрустом разгрыз, время от времени касаясь раны на губе, отчего у него перехватило дыхание от боли.

Цзян Лу подтащил другой стул, сел, схватив Ли Тана за подбородок, чтобы осмотреть его, затем открутил крышку мази от ожогов, выдавил немного на руку и нанес ее на щеку и шею Ли Тана.

Запах мази был неприятным, нос Ли Тана дернулся, и он чихнул.

Цзян Лу взглянул на него:

— Ты простудился?

— Вчера вечером была небольшая температура, но сейчас все в порядке.

Лицо Ли Тана все еще было бледным, словно от обильной потери крови, из-за чего его слова казались вынужденным притворством.

Но Цзян Лу лишь хмыкнул в знак согласия:

— Похоже на правду.

В последний раз, когда у Ли Тана была лихорадка, у него не было никаких других симптомов, за исключением того, что он, казалось, потерял рассудок, его речь была беспорядочной и непонятной для всех.

Вспомнив свою предыдущую неловкую ситуацию, Ли Тан смущенно опустил глаза.

— ...Это все твоя вина.

Знакомые слова и обвинение было брошены с уверенностью.

Обвинять Цзян Лу в том, что тот приносил ему еду, но не ел вместе с ним, из-за чего тот ел холодную пищу, от которой у него болел желудок.

Обвинить Цзян Лу в том, что он поменялся местами с кем-то другим, сел рядом с ним и заставил его встать и защитить его, за что его облили горячей водой.

Он также обвинил Цзян Лу в неискренности, в том, что он всегда говорил одно, а делал другое, и противоречил сам себе.

На это Цзян Лу промолчал, а Ли Тан воспринял это как молчаливое согласие.

Затем он решил испытать судьбу еще раз, выдвинув еще одно требование:

— С этого момента тебе запрещено упоминать о расставании, это могу сделать только я.

Не дожидаясь ответа Цзян Лу, Ли Тан раскрыл свои карты:

— Но я не буду об этом говорить.

Таким образом, они никогда не расстанутся.

Ли Тан поджал губы и тайно улыбнулся, по-видимому, довольный собственной сообразительностью.

Однако эта улыбка пронзила сердце Цзян Лу, словно игла, пронзив толстую корку; гной и кровь, вытекшие наружу, несли с собой странную горечь, распространяясь по горлу.

Он тихо ответил:

— Хорошо.

Позже руководитель группы постучал в каждую комнату, чтобы проверить, как там дела.

Ранее Цзян Лу получил звонок от Сунь Юйсяна с просьбой об одолжении. Ли Тан понизил голос, ответив вместо Сунь Юйсяна тихим «здесь». После ухода учителя он быстро связался с Ли Цзычу и попросил его подменить его.

— Куда ты пропал? Сегодня вечером не вернешься? — спросил Ли Цзычу в WeChat.

— Я вернусь чуть позже, — сказал Ли Тан. — Я расскажу тебе, когда вернусь.

Ли Цзычу не стал настаивать и отправил смайлик с изображением кошки, бьющей молотком по голове другую кошку.

Ли Тан понял, что Ли Цзычу знал о случившемся, и разозлился на него за бесхарактерность и беспринципность, за то, что он был брошенным, но все равно проявил инициативу в поисках примирения.

Чувствуя себя виноватым, Ли Тан отправил в ответ смайлик с изображением плачущего кота.

Чтобы запах лапши быстрого приготовления выветрился быстрее, Цзян Лу открыл окно, чтобы воздух мог циркулировать.

Ночь на вершине горы была прохладной. Прислонившись к окну, Ли Тан почувствовал, как его дыхание превращается в белый туман, принимая форму зимы.

Раньше он часто тосковал по столичным снегам зимой, но теперь и это показалось ему таким же приятным. Ветер, обдувавший лицо, был просто прохладным, в отличие от ледяных ветров столицы, режущих, как ножи.

Цзян Лу быстро принял душ. Когда он вышел, Ли Тан сидел на кровати. Их взгляды встретились, и они поспешно отвели взгляд.

Возможно, из-за более ранней проверки комнаты атмосфера была странно интимной, сродни волнению от романа в общежитии.

Не зная, когда вернется другой сосед по комнате, Ли Тан постоянно ерзал на месте, пока Цзян Лу сушил ему волосы, то поглаживая его мускулистую талию, то расчесывая влажные волосы.

Затем он касался его левого уха, нежно лаская мочку.

Ли Тан спросил:

— Ты что-нибудь чувствуешь?

Цзян Лу усмехнулся:

— Это ухо глухое.

— Я спрашиваю об ощущении прикосновения, — Ли Тан наклонился к его левому уху. — Каждый раз, когда я слышу, как ты произносишь слово «глухой», мне становится грустно.

Хотя левое ухо Цзян Лу было глухим, вокруг было очень тихо, и голос Ли Тана все равно достигал его благодаря резонансу.

Поэтому он был немного ошеломлен своими словом «грустно».

— Я знаю, что ты используешь такие слова для описания себя, причиняя себе боль, чтобы, когда другие причиняют тебе боль, тебе было не так больно, верно?

Он уже был весь изранен, и еще несколько порезов не имели значения.

От прикосновения глубокие воды в глазах Цзян Лу внезапно забурлили. Он сделал вид, что уходит, но Ли Тан обнял его за плечи и притянул к себе, в мягкую постель.

Ли Тан поцеловал ухо, которое не слышало, коснувшись его губами, словно лелея его.

— Возможно, самоуничтожение — это форма десенсибилизации, но... — Ли Тан с трудом подавил рыдания. — Цзян Лу такой хороший, мой гэ такой хороший, даже тебе не позволено причинять ему боль.

В ответ Цзян Лу крепко сжал его запястье. Ли Тан почувствовал, что его внезапно дернули, он головокружительно вращался, прежде чем приземлиться на кровать.

Цзян Лу навис над ним, и поскольку свет был сзади, выражение его лица было скрыто.

Тень перед ним вдруг стала больше, так как Цзян Лу в очередной раз наклонился, целуя Ли Тана в губы.

Как будто пытаясь заставить его замолчать, не давая ему продолжать.

Ли Тан был приручен в этих раундах запутанности, обмяк, во власти другого.

Он не мог отпустить многочисленные недостающие «почему», которые были заданы час назад, втиснув вопрос в паузу:

— Почему... ты реагируешь на меня?

Это был не первый раз, когда он столкнулся с желанием Цзян Лу.

Он знал, что желание мужчины связано со многими вещами: физическим контактом, визуальной стимуляцией, инстинктивным влечением... оно не обязательно требует душевной связи.

Но чувства Ли Тана были слепы, словно зачарованы, лишены здравого смысла и ясности. Он мастерски интерпретировал моменты страсти Цзян Лу как эмоции, идентичные его собственным.

На этот раз Цзян Лу дал ответ:

— Потому что ты называешь меня гэ.

Цзян Лу посмотрел на Ли Тана, его взгляд был таким глубоким, словно ловушка, которая затягивала его, ведя их обоих в бесконечный ад.

На туманной вершине горы, в маленькой и простой комнате, раздался тихий, соблазнительный голос.

— Назови меня так еще раз.